

ЭКО

Умберто

**Пять эссе
на темы этики**

ВЫПУСК 17

Annotation

Все эссе сборника создавались по случаю, для выступления на конференциях и заседаниях. При всем разнообразии тематики все эссе носят этический характер, то есть говорят о том, что делать хорошо, что делать дурно и чего не следует делать ни при каких обстоятельствах.

«*Вечный фашизм*» — доклад (англоязычная версия) на симпозиуме, проводившемся итальянским и французским отделениями Колумбийского университета (Нью-Йорк) 25 апреля 1995 г., в юбилей освобождения Европы. Опубликовано под заглавием «Eternal Fascism» в «Нью-Йорк Ревью оф Букс» 22 июня 1995 г., затем в итальянском переводе в «Ла ривиста деи либри» за июль-август 1995-го под названием «Тоталитаризм fuzzy и ур-фашизм» (публикуемый ниже вариант отличается лишь незначительными стилистическими поправками). Но следует учитывать, что этот текст создавался для американских студентов и был прочитан на симпозиуме в дни, когда Америка была потрясена оклахомским терактом и открытием того, что в общем не являлось секретом, — что в США имеются правозэкстремистские военизированные организации. Тема антифашизма приобрела особые коннотации в этих обстоятельствах, и рассуждение исторического плана было призвано способствовать размышлениям о современной ситуации в разных точках земного шара. Выступление было переведено на многие языки и опубликовано во многих странах. Так как эссе рассчитывалось на американских студентов, понятно, почему в нем избыточны факты и разъяснения почти школьного характера, а также к чему столько цитат из Рузвельта (Рузвельт — символ американского антифашизма) и почему я особо отмечаю встречу европейских и американских солдат в дни освобождения Европы.

-
- [Умберто Эко](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)

- 2
 - 3
 - 4
 - 5
-

Умберто Эко

Вечный фашизм

В 1942 году, в возрасте 10 лет, я завоевал первое место на олимпиаде *Ludi Juveniles*, проводившейся для итальянских школьников-фашистов (то есть для всех итальянских школьников). Я изощрился с риторической виртуозностью развить тему «Должно ли нам умереть за славу Муссолини и за бессмертную славу Италии?» Я доказал, что должно умереть. Я был умный мальчик.

Потом в 1943 году мне открылся смысл слова «свобода». В конце этого очерка расскажу, как было дело. В ту минуту «свобода» еще не означало «освобождение».

В моем отрочестве было два таких года, когда вокруг были эсэсовцы, фашисты и партизаны, все палили друг в друга, я учился уворачиваться от выстрелов. Полезный навык.

В апреле 1945 года партизаны взяли Милан. Через два дня они захватили и наш городишко. Вот была радость. На центральной площади толпились горожане, пели, размахивали знаменами. Выкрикивалось имя Миммо, командира партизанского отряда. Миммо, в прошлом капитан карабинеров, перешел на сторону Бадольо^[1] и в одном из первых сражений ему оторвало ногу. Он выскочил на балкон муниципалитета на костылях, бледный. Рукой сделал знак толпе, чтоб замолчали. Я наряду со всеми ждал торжественной речи, все мое детство прошло в атмосфере крупных исторических речей Муссолини, в школе мы учили наизусть самые проникновенные пассажи. Но была тишина. Миммо говорил хрипло, почти не было слышно: «Граждане, друзья. После многих испытаний... мы здесь. Вечная слава павшим». Все. Он повернулся и ушел. Толпа вопила, партизаны потрясали оружием, палили в воздух. Мы, мальчишки, кинулись подбирать гильзы, ценные коллекционные экспонаты. В тот день я осознал, что свобода слова означает и свободу от риторики.

Через несколько дней появились первые американские солдаты. Это были негры. Мой первый знакомый янки, Джозеф, был чернокож. Он открыл мне чудесный мир Дика Трейси и Лида Эбнера. Его книжки комиксов были разноцветные и замечательно пахли.

Одного из офицеров (его звали не то майор Мадди, не то капитан Мадди) родители двух моих соучениц пригласили в гости к себе на виллу. В саду расположились с вязаньем наши благородные дамы, болтая на приблизительном французском. Капитан Мадди был неплохо образован и на французском тоже как-то разговаривал. Так сложилось мое первое впечатление об освободителях-американцах, после всех наших бледноликих и чернорубашечных: интеллигентный негр в желто-зеленом мундире, произносящий: «Oui, merci beaucoup Madame, moi aussi j'aime le champagne...». К сожалению, шампанского на самом деле не было, но от капитана Мадди происходила моя первая в жизни жвачка и жевал я ее много дней. На ночь я клал ее в стакан с водой.

В мае нам сказали, что война окончилась. Мир показался мне великой странностью. Меня учили, что перманентная война является нормальным условием жизни для молодого итальянца. В последующие месяцы открылось также, что Соппротивление — не наше деревенское, а общеевропейское явление. Я научился новым волнующим словам, таким как *reseau*, *maquis*, *armee secrete*, *Rote Kapelle*, варшавское гетто. Я увидел первые снимки геноцида евреев — того, что называется Холокост, — и усвоил смысл явления раньше, чем узнал термин. Я понял, от чего именно нас освободили.

В Италии кое-кто сегодня задается вопросом, сыграло ли Соппротивление реальную военную роль. Моему поколению этот вопрос несуществен. Мы сразу почувствовали моральную и психологическую роль Соппротивления. Вот что давало нам гордость: знать, что мы, население Европы, не дожидались освобождения сложа руки. Думаю, что и для молодых американцев, которые платили кровью за нашу свободу, было тоже небезразлично знать, что за линией фронта среди населения Европы кто-то платит по тому же счету.

В Италии звучат высказывания, что Соппротивление в Европе — вымысел коммунистов. Нельзя спорить, коммунисты действительно употребили Соппротивление как личную собственность, пользуясь тем, что они сыграли в Соппротивлении центральную роль. Но я помню партизан в шейных платках самых разных расцветок.

Прилипнув к радиоприемнику, я проводил ночи — ставни задраивались, комендантский час, затемнение, ореол вокруг радио был единственным источником света — и слушал сообщения, которые

«Радио Лондон» передавало партизанам. Послания туманные и в то же время поэтические («Солнце восходит снова», «Розы в цвету»). Большею частью это была «информация для Франки». Откуда-то я шепотом узнал, что Франки — командир самого крупного подполья Северной Италии и человек легендарного мужества. Франки был моим героем. Этот Франки (настоящее имя — Эдгардо Соньо) был монархист, настолько антикоммунистической ориентации, что в послевоенное время примкнул к правоэкстремистской группировке и попал под суд по подозрению в подготовке реакционного антигосударственного переворота. Что это меняет? Он остается ориентиром моих детских лет. Освобождение — одно для людей самых разных расцветок.

Сейчас у нас принято говорить, что война за освобождение Италии привела к трагическому расколу нации и что необходимо национальное примирение. Воспоминание об ужасном времени должно быть вытеснено (*refoulee, verdrangt*).

Но вытеснение — источник неврозоз.

Примириться, проявить понимание, уважить тех, кто от чистого сердца вел свою войну. Простить — это не значит забыть. Допускаю, что Эйхман^[2] был чистосердечно предан своей миссии. Но мы не говорим Эйхману: «Валяйте, продолжайте в том же духе». Мы обязаны помнить, что же это было, и торжественно заявить, что снова они этого делать не должны.

Но кто такие «они»?

Если до сегодняшних пор подразумевать под «они» тоталитарные правительства, распорядившиеся Европой перед Второй мировой войной, можно спать спокойно: они не возродятся в прежнем своем виде среди новых исторических декораций. Итальянский фашизм (Муссолини) складывался из культа харизматического вождя, из корпоративности, из утопической идеи о судьбоносности Рима, из империалистической воли к завоеванию новых земель, из насажденного национализма, из выстраивания страны в колонну по два, одевания всех в черные рубашки, из отрицания парламентской демократии, из антисемитизма. Так вот, я вполне верю, что нынешний Национальный альянс, родившийся из останков Итальянского социального движения, — это партия хотя и безусловно правая, но не связанная с нашим прежним фашизмом.

И хотя я очень обеспокоен неофашистскими движениями, возникающими повсеместно по Европе и, в частности, в России, я — по той же причине — не думаю, что именно немецкий фашизм в своей первоначальной форме может снова явиться в качестве идеологии, охватывающей народы.

В то же время, хотя политические режимы свержаются, идеологии рушатся под напором критики, дезавуируются, за всеми режимами и их идеологиями всегда стоят: мировоззрение и мироощущение, сумма культурных привычек, туманность темных инстинктов, полуосознанные импульсы.

О чем это говорит? Существует ли и в наше время призрак, бродящий по Европе, не говоря об остальных частях света?

Ионеско изрек: «Важны только слова, все остальное — болтовня». Лингвистические привычки часто представляют собою первостепенные симптомы невыказуемых чувств.

Поэтому позвольте задать вопрос: с какой стати не только итальянское Сопротивление, но и вся Вторая мировая война во всем мире формулируется как битва против *фашизма*?

Фашизм вообще-то должен ассоциироваться с Италией.

Но перечитайте Хемингуэя «По ком звонит колокол»: Роберт Джордан именует своих врагов фашистами, хотя они испанские фалангисты. Дадим слово Ф. Д. Рузвельту: «Победа американского народа и его союзников будет победою над фашизмом и над деспотическим тупиком, который он олицетворяет» (23 сентября 1944).

Во времена маккартизма любили клеймить американцев, участвовавших в гражданской войне в Испании, «недозрелыми антифашистами» (имелось в виду, что выступить против Гитлера в сороковые годы было моральным долгом настоящего американца, а вот выступать против Франко чересчур рано, в тридцатые, — это подозрительный знак).

Американские радикалы обзывали полицейских, не разделявших их вкусов по части курева, «фашистскими свиньями». Почему не паршивыми кагулями, не гадами фалангистами, не суками усташами, не погаными квислингами, не Анте Павеличами и не нацистами?

Дело в том, что «Майн Кампф» — манифест *цельной* политической программы. Немецкий фашизм (нацизм) включал в себя

расовую и арийскую теории, четкое представление об entartete Kunst — коррумпированном искусстве, философию державности и культ сверхчеловека. Он имел четкую антихристианскую и неоязыческую окраску. Так же точно сталинский диамат был четко материалистичен и атеистичен. Режимы, подчиняющие все личностные проявления государству и государственной идеологии, мы зовем тоталитарными; немецкий фашизм и сталинизм — оба тоталитарные режимы.

Итальянский же фашизм, безусловно, представлял собой диктаторский режим, но он не был вполне тоталитарен, и не благодаря какой-то особой своей мягкости, а из-за недостаточности философской базы. В противоположность общепринятому представлению, у итальянского фашизма не имелось собственной философии. Статья о фашизме, подписанная «Муссолини» в Итальянской энциклопедии Треккани, была если не создана, то вдохновлена философом Джованни Джентиле, и отражалось в ней позднегегелианское представление об «этическом и абсолютном государстве». Однако при правлении Муссолини такое государство реализовано не было. У Муссолини не было никакой философии: у него была только риторика. Начал он с воинствующего безбожия, затем подписал конкордат с Церковью и сдружился с епископами, освящавшими фашистские знамена. В первые его, еще антиклерикальные времена, если верить легенде, он предлагал Господу разразить его на месте, дабы проверить истинность Господня бытия. По всей видимости, тот чем-то отвлекся и просьбу не удовлетворил. На следующем этапе во всех своих выступлениях Муссолини ссылался на имя Божие и смело именовал самого себя «рукой Провидения».

Итальянский фашизм, бесспорно, был первой правой диктатурой, овладевшей целой европейской страной, и последующие аналогичные движения поэтому видели для себя общий архетип в муссолиниевском режиме. Итальянский фашизм первым из всех разработал военное священнодействие, создал фольклор и установил моду на одежду, причем с гораздо большим успехом за границей, чем любые Бенеттоны, Армани и Версаче. Только следом за итальянским фашизмом — в тридцатые годы — фашистские движения появились в Англии (Мосли), Литве, Эстонии, Латвии, Польше, Венгрии, Румынии, Болгарии, Греции, Югославии, Испании, Португалии, Норвегии и даже в Южной Америке и, разумеется, в Германии. И именно итальянский

фашизм создал у многих либеральных европейских лидеров убеждение, будто эта власть проводит любопытные социальные реформы и способна составить умеренно-революционную альтернативу коммунистической угрозе.

И все же это единственное основание — исторический приоритет — не кажется мне достаточным для того, чтобы слово «фашизм» превратилось в синекдоху, в определение типа *pars pro toto*^[3] для самых разных тоталитарных движений. Никак нельзя сказать, чтобы итальянский фашизм содержал в себе все элементы последующих тоталитаризмов, некую квинтэссенцию. Наоборот, в фашизме и эссенции-то, естества ясного не содержалось, и являл он собой тоталитаризм размытый, на языке логики — *fuzzy*.

Итальянский фашизм не был монолитной идеологией, а был коллажем из разносортных политических и философских идей, муравейником противоречий. Ну можно ли себе представить тоталитарный режим, в котором сосуществуют монархия и революция, Королевская гвардия и персональная милиция Муссолини, в котором Церковь занимает главенствующее положение, но школа расцерковлена и построена на пропаганде насилия, где уживаются абсолютный контроль государства со свободным рынком?

В Италии фашистская партия родилась, превознося свой новый революционный порядок, но финансировалась самыми консервативными землевладельцами, которые надеялись на контрреволюцию. Итальянский фашизм в своем зародыше был республиканским, но затем двадцать лет подряд прокламировал верность королевской фамилии, давая возможность дуче шагать по жизни под ручку с королем, которому предлагался даже титул императора. Когда же в 1943 году король уволил Муссолини с должности, партия через два месяца возродилась с помощью немцев под знаменем «социальной» республики, под уже знакомую музыку революции и с почти что якобинской аранжировкой.

Существовала только одна архитектура немецкого фашизма и только одно немецко-фашистское искусство. Если архитектором немецкого фашизма стал бы Альберт Шпеер, не осталось бы места Мису ван дер Роэ. Так же точно при Сталине: коли был бы прав Ламарк, не осталось бы места Дарвину. Напротив, в Италии архитекторы, безусловно, мыслили себя как фашисты, однако наряду с

псевдоколизеями проектировали и новаторские здания, вдохновленные модерн-рационализмом Гропиуса.

Итальянский фашизм не знал своего Жданова. В Италии существовали две важные художественные премии. Во-первых, премия Кремона — под эгидой невежественного и фанатичного фашиста Фариначчи, который ратовал за пропагандистское искусство (помню станковую живопись: «У радиоприемника. Слушая выступление Дуче» и «Ментальные состояния, навеваемые фашизмом»). Во-вторых, премия Бергамо, которую спонсировал образованный и в разумных пределах толерантный фашист Боттаи. Он выступал сторонником искусства для искусства и за новаторские опыты авангардистского искусства, те самые, которые в Германии преследовались как упаднические и втайне коммунистические, так как они отличались от нибелунгового кича, а разрешался только он, и больше ничего.

В смысле поэзии, нашей национальной гордостью считался Д'Аннунцио, денди, которого в Германии или в России мигом поставили бы к стенке. У нас ему присвоили титул Вещего певца режима за национализм и превознесение геройства (с примесью изрядной порции французского декадентства).

Футуризм. Образец самого отъявленного «упадочного искусства», наряду с экспрессионизмом, кубизмом, сюрреализмом. Однако первые итальянские футуристы были настроены националистски, с эстетических позиций отстаивали участие Италии в Первой мировой войне, упивались быстротой, насилием и риском и, в определенных отношениях, подходили близко к фашистскому культу молодости. Когда итальянский фашизм начал равняться на Римскую империю и на новооткрытые народные корни, Маринетти (провозглашавший, что автомобиль прекраснее Ники Самофракийской, и покушавшийся «укокошить лунный свет») был проведен в члены Национальной Академии, которая вообще-то относилась к лунному свету с пиететом.

Многие партизаны, представители левой интеллигенции вызрели в ячейках ГУФ (фашистской организации университетских студентов), а ведь ГУФ замышлялась как колыбель новой фашистской культуры. Но эти ячейки составили собой некий интеллектуальный котел, где кипели идеи и никогда не было настоящего идеологического контроля; не оттого, что партийцы отличались особой толерантностью, а потому,

что они, как правило, не обладали интеллектуальным уровнем, чтоб контролировать студентов.

В течение всего того двадцатилетия поэзия «герметиков» представляла собой противовес помпезному стилю истеблишмента. Герметикам было позволено выражать литературный протест, не выходя из башни из слоновой кости. Настроение герметиков являло полную противоположность фашистскому культу оптимизма и героизма. Фашистский истеблишмент терпел это явное, хотя и социально неуловимое, противоречие, потому что не обращал достаточного внимания на столь туманные речи.

Это не означает, что итальянскому фашизму была свойственна терпимость. Грамши продержали в тюрьме до самой смерти, Маттеотти уничтожили, братьев Росселли уничтожили, свободу печати подавили, профсоюзы разогнали, политических диссидентов выслали на отдаленные острова, законодательная власть превратилась в чистую фикцию, а исполнительная (которая контролировала и судопроизводство, и массовые коммуникации) самопроизвольно издавала законы, среди которых, в частности, был закон о чистоте расы — формальная поддержка Италией геноцида евреев.

Неодноплановая картина, описанная мною, свидетельствует не о толерантности, а о великой расхлябанности, как политической, так и идеологической. Причем это была «упорядоченная расхлябанность», в беспорядке имела своя система. Пусть фашизм не имел философского стержня, но с точки зрения эмоциональной он был прочно ориентирован на определенные архетипы.

Так мы приблизились ко второй части разговора. Немецкий нацизм был уникален. Мы не можем назвать нацизмом гиперкатолический фалангизм Франко, потому что нацизм отличался глубинным язычеством, политеизмом и антихристианством, или это был не нацизм. А вот с термином «фашизм», наоборот, можно играть на многие лады. Название не переменится. С понятием «фашизм» происходит то же, что, по Витгенштейну, произошло с понятием «игра». Игра может быть соревновательной или же наоборот; может осуществляться одним человеком или же несколькими; может требовать умения и навыков или не требовать ничего; может вестись на деньги, а может и нет. Игры — это серия различных видов

деятельности, семейное сходство между которыми очень относительно.

1 2 3 4
abc bcd cde def

Предположим, перед нами набор политических группировок. Первая группировка обладает характеристиками *abc*, вторая — характеристиками *bcd* и так далее. 2 похоже на 1, поскольку у них имеются два общих аспекта, 3 похоже на 2, 4 похоже на 3 по той же самой причине, 3 похоже даже на 1 (у них есть общий элемент *c*). Но вот что забавно. 4 имеет нечто общее с 3 и 2, но абсолютно ничего общего с 1. Тем не менее, благодаря плавности перехода с 1 на 4 создается иллюзия родства между 4 и 1.

Термин «фашизм» употребляется повсеместно, потому что даже если удалить из итальянского фашистского режима один или несколько аспектов, он все равно продолжает узнаваться как фашистский. Устранив из итальянского фашизма империализм, получаем Франко или Салазара. Устраняем колониализм — выходит балканский фашизм. Прибавляем к итальянскому фашизму радикальный антикапитализм (чем никогда не грешил Муссолини), и получается Эзра Паунд. Прибавляем помешательство на кельтской мифологии и культе Грааля (абсолютно чуждое итальянскому фашизму), и перед нами один из наиболее уважаемых фашистских гуру — Юлиус Эвола.

Чтобы преодолеть этот разброд, по-моему, следует вычленить список типических характеристик Вечного Фашизма (ур-фашизма); вообще-то достаточно наличия даже одной из них, чтобы начинала конденсироваться фашистская туманность.

1. Первой характеристикой ур-фашизма является культ *традиции*. Традиционализм старше фашизма. Он выступает доминантой контрреволюционной католической мысли после Французской революции, но зародился он в поздний эллинистический период как реакция на рационализм классической Греции.

В средиземноморском бассейне народы разных религий (все они с равной толерантностью были допускаемы в римский Пантеон) искали откровения, явленного на заре истории человечества. Это откровение

испокон веков таилось под покровом языков, чей смысл утратился. Откровение было вверено египетским иероглифам, кельтским рунам, а также священным, доселе не проясненным памятникам азиатских религий.

Эта новая культура неизбежно оказывалась *синкретичной*. Синкретизм — это не просто, как указывают словари, сочетание разноформных верований и практик. Здесь основа сочетаемости — прежде всего *пренебрежение к противоречиям*. Исходя из подобной логики, все первородные откровения содержат зародыш истины, а если они разноречивы или вообще несовместимы, это не имеет значения, потому что аллегорически все равно они все восходят к некоей исконной истине.

Из этого вытекает, что *нет места развитию знания*. Истина уже провозглашена раз и навсегда; остается только истолковывать ее темные словеса. Достаточно посмотреть «обоймы» любых фашистских культур: в них входят только мыслители-традиционалисты. Немецко-фашистский гнозис питался из традиционалистских, синкретистских, оккультных источников. Наиважнейший теоретический источник новых итальянских правых, Юлиус Эвола, смешивает Грааль с «Протоколами Сионских мудрецов», алхимию со Священной Римской империей. Сам тот факт, что в целях обогащения кругозора часть итальянских правых сейчас расширила обойму, включив в нее Де Местра^[4], Генона^[5] и Грамши, является блистательной демонстрацией синкретизма.

Поройтесь в американском книжном магазине на стеллажах под табличкой «New Age». Вы увидите в куче мистической белиберды даже и св. Августина, который, насколько мне известно, фашистом не был.

Вот сам по себе принцип валить в кучу Августина и Стоунхендж — это и есть симптом ур-фашизма.

2. Традиционализм неизбежно ведет к *неприятию модернизма*. Как итальянские фашисты, так и немецкие нацисты вроде бы обожали технику, в то время как традиционалистские мыслители обычно технику клеймили, видя в ней отрицание традиционных духовных ценностей. Но, по сути дела, нацизм наслаждался лишь внешним аспектом своей индустриализации. В глубине его идеологии главенствовала теория Blut und Boden — «Крови и почвы». Отрицание

современного мира проводилось под соусом отрицания капиталистической современности. Это, по существу, отрицание духа 1789 года (а также, разумеется, 1776-го) — духа Просвещения. Век Рационализма видится как начало современного разврата. Поэтому ур-фашизм может быть определен как *иррационализм*.

3. Иррационализм крепко связан с культом *действия ради действия*. Действование прекрасно само по себе и поэтому осуществляется *вне* и *без* рефлексии. Думание — немужественное дело. Культура видится с подозрением, будучи потенциальной носительницей критического отношения. Тут все: и высказывание Геббельса «Когда я слышу слово „культура“, я хватаюсь за пистолет», и милые общие места насчет интеллектуальных размазней, яйцеголовых интеллигентов, радикал-снобизма и университетов — рассадников коммунистической заразы. *Подозрительность по отношению к интеллектуальному миру* всегда сигнализирует присутствие ур-фашизма. Официальные фашистские мыслители в основном занимались тем, что обвиняли современную им культуру и либеральную интеллигенцию в отходе от вековых ценностей.

4. Никакая форма синкретизма не может вынести критики. Критический подход оперирует дистинкциями, дистинкции же являются атрибутом современности. В современной культуре научное сообщество уважает несогласие, как основу развития науки. В глазах ур-фашизма *несогласие есть предательство*.

5. Несогласие — это еще и знак инакости. Ур-фашизм растет и ищет консенсусов, эксплуатируя прирожденную боязнь инородного. Первейшие лозунги фашистоидного или префашистоидного движения направлены против инородцев. Ур-фашизм, таким образом, по определению замешан на *расизме*.

6. Ур-фашизм рождается из индивидуальной или социальной фрустрации. Поэтому все исторические фашизмы опирались на *фрустрированные средние классы*, пострадавшие от какого-либо экономического либо политического кризиса и испытывающие страх перед угрозой со стороны раздраженных низов. В наше время, когда прежние «пролетарии» превращаются в мелкую буржуазию, а люмпен из политической жизни самоустраняется, фашизм найдет в этом новом большинстве превосходную аудиторию.

7. Тем, кто вообще социально обездолен, ур-фашизм говорит, что единственным залогом их привилегий является факт рождения в определенной стране. Так выковывается *национализм*. К тому же единственное, что может сплотить нацию, — это враги. Поэтому в основе ур-фашистской психологии заложена одержимость *идеей заговора*, по возможности международного. Сочлены должны ощущать себя осажденными. Лучший способ сосредоточить аудиторию на заговоре — использовать пружины ксенофобии. Однако годится и заговор внутренний, для этого хорошо подходят евреи, потому что они одновременно как бы внутри и как бы вне. Последний американский образчик помешательства на заговоре — книга «Новый мировой порядок» Пэта Робертсона.

8. Сочлены должны чувствовать себя оскорбленными из-за того, что враги выставляют напоказ богатство, бравируют силой. Когда я был маленьким, мне внушали, что англичане — «нация пятиразового питания». Англичане питаются интенсивнее, чем бедные, но честные итальянцы. Богаты еще евреи, к тому же они помогают своим, имеют тайную сеть взаимопомощи. Это с одной стороны; в то же время сочлены убеждены, что сумеют одолеть любого врага. Так, благодаря колебанию риторических струн, *враги рисуются в одно и то же время как и чересчур сильные, и чересчур слабые*. По этой причине фашизмы обречены всегда проигрывать войны: они не в состоянии объективно оценивать боеспособность противника.

9. Для ур-фашизма нет борьбы за жизнь, а есть жизнь ради борьбы. Раз так, *пацифизм однозначен братанию с врагом*. Пацифизм предосудителен, поскольку *жизнь есть вечная борьба*. В то же время имеется и комплекс Страшного Суда. Поскольку враг должен быть — и будет — уничтожен, значит, состоится последний бой, в результате которого данное движение приобретет полный контроль над миром. В свете подобного «тотального решения» предполагается наступление эры всеобщего мира, Золотого века.

Однако это противодействует тезису о перманентной войне, и еще ни одному фашистскому лидеру не удалось разрешить образующееся противоречие.

10. Для всех реакционных идеологий типичен элитаризм, в силу его глубинной аристократичности. В ходе истории все

аристократические и милитаристские элитаризмы держались на *презрении к слабому*.

Ур-фашизм исповедует *популистский* элитаризм. Рядовые граждане составляют собой наилучший народ на свете. Партия составляется из наилучших рядовых граждан. Рядовой гражданин может (либо обязан) сделаться членом партии.

Однако не может быть патрициев без плебеев. Вождь, который знает, что получил власть не через делегирование, а захватил силой, понимает также, что сила его основывается на *слабости* массы, и эта масса слаба настолько, чтобы нуждаться в Погонщике и заслуживать его.

Поэтому в таких обществах, организованных иерархически (по милитаристской модели), каждый отдельный вождь презирает, с одной стороны, вышестоящих, а с другой — подчиненных.

Тем самым укрепляется *массовый элитаризм*.

11. Всякого и каждого воспитывают, чтобы он стал героем. В мифах герой воплощает собой редкое, экстраординарное существо; однако в идеологии ур-фашизма героизм — это норма. Культ героизма непосредственно связан с *культом смерти*. Не случайно девизом фалангистов было: *Viva la muerte!* Нормальным людям говорят, что смерть огорчительна, но надо будет встретить ее с достоинством. Верующим людям говорят, что смерть есть страдательный метод достижения сверхъестественного блаженства. Герой же ур-фашизма алчет смерти, предуказанной ему в качестве наилучшей компенсации за героическую жизнь. Герою ур-фашизма умереть нестерпимо. В героическом нетерпении, заметим в скобках, ему гораздо чаще случается умерщвлять других.

12. Поскольку как перманентная война, так и героизм — довольно трудные игры, ур-фашизм переносит свое стремление к власти на половую сферу. На этом основан культ мужественности (то есть пренебрежение к женщине и беспощадное преследование любых неконформистских сексуальных привычек: от целомудрия до гомосексуализма). Поскольку и пол — это довольно трудная игра, герой ур-фашизма играет с пистолетом, то есть эрзацем фаллоса. Постоянные военные игры имеют своей подоплекой неизбывную *invidia penis*.

13. Ур-фашизм строится на качественном (квалитативном) популизме. В условиях демократии граждане пользуются правами личности; совокупность граждан осуществляет свои политические права только при наличии количественного (квантитативного) основания: исполняются решения большинства. В глазах ур-фашизма индивидуум прав личности не имеет, а Народ предстает как качество, как монолитное единство, выражающее совокупную волю. Поскольку никакое количество человеческих существ на самом деле не может иметь совокупную волю, Вождь претендует на то, чтобы представлять от всех. Утратив право делегировать, рядовые граждане не действуют, они только призываются — часть за целое, *pars pro toto* — играть роль Народа. Народ, таким образом, бытует как феномен исключительно театральный.

За примером *качественного популизма* необязательно обращаться к Нюрнбергскому стадиону или римской переполненной площади перед балконом Муссолини. В нашем близком будущем перспектива качественного популизма — это телевидение или электронная сеть «Интернет», которые способны представить эмоциональную реакцию отобранной группы граждан как «суждение народа».

Крепко стоя на своем квалитативном популизме, ур-фашизм *ополчается против «прогнанных парламентских демократий»*. Первое, что заявил Муссолини в своей речи в итальянском парламенте, было: «Хотелось бы мне превратить эту глухую, серую залу в спортзал для моих ребяток». Он, конечно же, быстро нашел гораздо лучшее пристанище для «своих ребяток», но парламент тем не менее разогнал.

Всякий раз, когда политик ставит под вопрос легитимность парламента, поскольку тот якобы уже не отражает «суждение народа», явственно унюхивается запах Вечного Фашизма.

14. *Ур-фашизм говорит на Новоязе*. Новояз был изобретен Оруэллом в романе «1984» как официальный язык Ангсоца, Английского социализма, но элементы ур-фашизма свойственны самым различным диктатурам. И нацистские, и фашистские учебники отличались бедной лексикой и примитивным синтаксисом, желая максимально ограничить для школьника набор инструментов сложного критического мышления. Но мы должны уметь вычленять и другие формы Новояза, даже когда они имеют невинный вид популярного телевизионного ток-шоу.

Перечислив возможные архетипы ур-фашизма, закончу вот чем. Утром 27 июля 1943 года мне было сказано, что по радио объявили, что фашизм пал и Муссолини арестован и чтобы я пошел купить газету. Я отправился к киоску и увидел, что там полно газет, но у них незнакомые названия. Затем я прочитал заголовки передовиц и осознал, что в разных газетах написаны разные вещи. Тогда я купил одну из них, наудачу, развернул и прочитал на первой странице декларацию, подписанную пятью или шестью политическими партиями, среди которых были Христианская демократическая, Коммунистическая партия, Социалистическая партия, Партия действия, Либеральная партия. До этой минуты я полагал, что на страну полагается иметь по одной партии, в частности в Италии партия называется Национальной Фашистской. И вот я обнаружил, что в моей стране одновременно имеют место несколько партий. И не только. Так как я был смышленным подростком, я сказал себе, что никак не возможно, чтобы все эти партии учредились вот так, за одну ночь. Значит, подумал я, они существовали прежде на подпольном положении.

Декларация возвещала о конце фашистской диктатуры и восстановлении в стране свобод: свободы слова, печати, политических объединений. Эти слова — «диктатура», «свобода» — о Господи, впервые за всю жизнь я их прочел. Благодаря этим словам я переродился в свободного западного человека.

Мы должны всегда иметь в виду, что смысл этих слов не должен снова забыться. Ур-фашизм до сих пор около нас, иногда он ходит в штатском. Было бы так удобно для всех нас, если бы кто-нибудь вылез на мировую арену и сказал: «Хочу снова открыть Освенцим, хочу, чтобы черные рубашки снова замаршировали на парадах на итальянских площадях». Увы, в жизни так хорошо не бывает! Ур-фашизм может представать в самых невинных видах и формах. Наш долг — выявлять его сущность и указывать на новые его формы, каждый день, в любой точке земного шара. Передам опять слово Рузвельту. «Решусь сказать, что, если бы американская демократия прекратила развиваться как живая сила, которая старается днем и ночью, мирными средствами, совершенствовать условия существования граждан нашей страны, влияние фашизма у нас бы

безусловно возросло» (4 ноября 1938). Свобода и Освобождение — наша работа. Она не кончается никогда. Пусть же нашим девизом будет: *так не забудем*.

notes

СНОСКИ

1

Пьетро Бадольо (1871–1956) — один из организаторов свержения Муссолини (1943), премьер-министр Италии в период ее войны с фашистской Германией (1943–1944).

Карл-Адольф Эйхман (1906–1962) — немецко-фашистский преступник, глава подотдела по уничтожению евреев Имперского управления безопасности. Предан суду в Иерусалиме в 1960 г. и казнен.

3

Часть вместо целого (лат.).

Имеется в виду франц. писатель Жозеф де Местр (1753–1821), автор сочинения «О Папе» (1819) — одного из ключевых текстов католицизма.

Генон, Рене (1886–1951) — франц. литератор-мистик, автор компилятивных сочинений («Кризис современного мира», 1921 и др.).